

У Е Шуанчэна похолодело внутри. Кровь словно застыла в жилах, а ледяная дрожь пробежала от макушки до самых кончиков пальцев. Вдруг он заметил у стены двора старое кривобокое дерево. Юноша лихорадочно блеснул глазами. Швырнув узел в сторону, он в мгновение ока бросился к стволу и, цепляясь за сучья, ловко взобрался на высокую стену.

Но внизу его уже поджидала толпа слуг и конюхов. В панике они запричитали наперебой:

— Молодой господин, молодой господин, поберегите себя! Ступайте осторожнее!

— Опомнитесь, второй молодой господин, слезайте скорее!

— Господин Шуанчэн...

Взобравшись на самый верх, Шуанчэн оседлал стену. Взглянув на копошащуюся внизу челядь, он невольно скривился: спрыгнуть обратно во двор не получалось, а лезть на улицу мешала нерешительность. Он оказался в нелепом тупике.

В этот момент во двор неторопливо вошел Е Чжэнь. Полы его одеяния цвета молодой луны плавно колыхались при ходьбе, а дорогой шелк отливал узором речной ряби. В каждом движении этого человека сквозило непоколебимое величие. Он остановился, поднял бесстрастный взор и, смерив беглеца взглядом, негромко произнес:

— Спускайся.

— И не подумаю! — огрызнулся Шуанчэн. Он мелко застучал зубами от страха и мертвой хваткой вцепился в каменную кладку, боясь сорваться.

Е Чжэнь не рассердился. Прошло десять лет с тех пор, как он оставил младшего брата и уехал в столицу. Все эти годы он изнурял себя учебой, свято чтил заветы предков и приумножал семейное наследие. Признание пришло к нему рано: блестящий взлет вознес его на вершину власти. Став главой Внутреннего кабинета, он снискал безграничное доверие Его Величества. О славе Е Чжэня трубили повсюду; в столице только и говорили, что славный род Е, веками даривший Поднебесной великих мудрецов, явил миру нового Главу кабинета.

Триумф этот мог бы затмить любые невзгоды, однако Е Чжэнь, денно и ночью радевший о благе государства и деливший с государем бремя власти, нес в душе незаживающую рану. Единственным, о ком он тосковал в разлуке, оставался его младший брат, затерянный в далеком Биньчжоу.

И вот они наконец встретились. Но за долгие годы разлуки Шуанчэн ничуть не остепенился — напротив, стал еще более своенравным и взбалмошным, чем в детстве.

Почувствовав тупую боль в висках, Е Чжэнь нахмурился и слегка повёл рукой, отдавая

короткий приказ слугам:

— Ступайте.

— Слушаемся!

Толпа у стены неохотно рассеялась, отойдя на почтительное расстояние. Лишь юный слуга Цю Мин продолжал жалобно канючить:

— Молодой господин Шуанчэн, умоляю, слезайте! Не дай бог ушибетесь, что тогда делать-то будем?

Шуанчэн промолчал, демонстративно отвернувшись и уставившись куда-то вдаль.

В памяти Е Шуанчэна старший брат всегда оставался человеком железной воли и безупречных манер. Он терпеть не мог праздности и презирал пустую спесь изнеженных барчуков.

Встретиться после стольких лет разлуки при столь постыдных обстоятельствах... Разумеется, Шуанчэна сковал панический страх перед гневом старшего брата. Однако постепенно этот страх начал уступать место горькой обиде.

Шуанчэн принадлежал к старшей ветви биньчжоуского клана Е. Их род славился учеными мужами, и оставалось лишь гадать, капризом какой судьбы на свет явился столь никчемный отпрыск. В детстве матушка не упускала случая отчитать его за нерадивость, а отец, видя, что сын растет лодырем и думает лишь о глупостях, нещадно порол его плетью.

Тогда он был совсем ребенком. Зная, что родители его недолюбливают, мальчик старался лишний раз не показываться им на глаза в парадных залах. Напроказив, он прятался по углам, а когда наказание становилось неизбежным, бежал за защитой к старшему брату. Е Чжэнь с малых лет отличался недетской строгостью. Хотя он порой и укрывал брата от родительского гнева, его собственные наставления бывали куда суровее отцовских побоев.

Именно поэтому Шуанчэн с ранних лет до смерти боялся брата, но в то же время беззаветно тянулся к нему.

Но привычный мир рухнул в одночасье. Когда родители безвременно скончались, Е Чжэнь внезапно решил покинуть Биньчжоу ради столичной академии. Перед отъездом он препоручил неоперенного Шуанчэна заботам дядюшки Е Биня, представлявшего боковую ветвь семьи.

Шуанчэн до сих пор помнил тот день до мельчайших подробностей. Как он рыдал навзрыд, как судорожно цеплялся за полы одежды брата, умоляя: «Брат, не бросай меня!» Но Е Чжэнь был непреклонен. Тяжело вздохнув, он лишь обронил холодное: «Будь послушным», — и ушел, даже не обернувшись.

Той весной дороги раскисли от грязи, едва сошел снег. Силуэт старшего брата медленно растворился в серой дымке пустынной улицы.

После того расставания Шуанчэн преданно ждал его в Биньчжоу долгих десять лет. Ждал, пока надежда окончательно не угасла, сменившись безразличием. И надо же было Е Чжэню явиться именно теперь!

Горло перехватило от подступивших слез, но Шуанчэн упрямо вздернул подбородок, отказываясь сдаваться. Сейчас в Биньчжоу он жил припеваючи — даже дядюшка с домочадцами не смели перечить его капризам. Он вкусил настоящую свободу. С какой стати Е Чжэнь решает, когда уходить, а когда возвращаться? За кого он его принимает?

Заметив краем глаза, что Е Чжэнь сурово нахмурился, Шуанчэн испугался, но обида взяла верх. Слова сами сорвались с его губ вместе с первыми всхлипами:

— Зачем ты вообще приехал?! Тебя десять лет не было! Бросил меня одного в этом Биньчжоу, а сам укатил в столицу за чинами да богатством! Тебе плевать на меня, я тебе не брат! Так зачем ты вернулся? Дай мне жить как знаю, оставь в покое!

Е Чжэнь глухо вздохнул. Невозмутимость, которую он годами ковал в бурях придворных интриг, дала трещину. Перед этим мальчишкой он действительно был кругом виноват. Да, он уехал в столицу, преодолевая лишения и карабкаясь вверх по шаткой лестнице власти, но не было и дня, чтобы его сердце не болело за оставленного брата.

Е Чжэнь приоткрыл рот, собираясь возразить, но промолчал. Лишь крепче сжал кулаки за спиной.

Грудь Шуанчэна сдавило от невыносимой обиды. Когда-то брат бережно держал его за руку, обучая верховой езде, каллиграфии, запуская с ним бумажных змеев... За десять лет черты Е Чжэня почти стерлись из памяти, но в глубине души все еще теплились отголоски того далекого детского счастья.

Они встретились вновь, и Е Чжэнь показался ему до боли знакомым. Шуанчэну отчаянно хотелось броситься к нему, обнять, но какая-то непреодолимая преграда мешала сделать этот шаг, перехватывая дыхание.

То ли от страха, то ли от долгой тоски глаза юноши затуманились слезами. И все же он упрямо цеплялся за край стены, пропуская мимо ушей уговоры слуг.

Слуги Поместья Е, привыкшие к беззаботному и веселому нраву своего молодого хозяина, никогда не видели его в таком состоянии. Они растерянно перешептывались, а те, кто не знал прибывшего гостя в лицо, строили самые невероятные догадки.

Е Чжэнь не обращал на сплетни никакого внимания. Он едва заметно шевельнул пальцами, призывая телохранителей, и негромко скомандовал:

— Снимите второго молодого господина.

— Слушаемся!

Двое крепких мужчин почтительно поклонились и единым беззвучным прыжком взлетели на стену, намереваясь бережно спустить юношу на землю.

— Назад! — вскинулся Шуанчэн, сверкнув полными слез глазами. — Только троньте меня! Прочь!

Но, рванувшись в сторону, он потерял равновесие. Пальцы соскользнули с гладкого камня, и юноша мешком полетел вниз.

Двор огласился испуганными воплями, кто-то из слуг в ужасе зажмурился.

У Шуанчэна перехватило дыхание, он зажмурился, ожидая сокрушительного удара о землю, но боли не последовало.

Вместо этого он ощутил надежное тепло сильных рук. Родной, до боли знакомый запах мгновенно растопил остатки его упрямства. Распахнув глаза, он встретился с мягким, хоть и строгим взглядом старшего брата.

— Глупый мальчишка, — тихо произнес Е Чжэнь. — Перестань реветь.

Вся спесь и злость Шуанчэна испарились без следа.

Он судорожно вцепился в плечи брата, зарывшись лицом в его шею. Юноша беззвучно плакал, и лишь его плечи мелко дрожали.

Е Чжэнь чувствовал, как дрожит это хрупкое тело в его руках. Ощутив на своей шее горячую влагу, он и сам едва сдержал слезы. Ладонь старшего брата мягко легла на спину Шуанчэна, успокаивая:

— Ну полно, полно... Взрослый ведь уже, а плачешь как дитя.

Голос брата, низкий и убаюкивающий, заставил Шуанчэна прослезиться вновь.

"Только бы он больше не уезжал... — билась в его голове единственная мольба. — Только бы в

этот раз сдержал слово и не оставил меня одного".

В этот момент во дворе показался запыхавшийся дядюшка Е Бин. Быстро оценив обстановку, он расплылся в подобострастной улыбке и елеиным голосом обратился к прибывшему:

— Дорогой племянник! У меня к тебе спешное дело. Не соблаговолишь ли пройти в гостиную для беседы?

Шуанчэн мысленно скривился: «Вечно он лезет не вовремя со своими делами». Однако над ухом прозвучало спокойное и твердое:

— Идемте.

Делать было нечего — пришлось поплестись следом.

В гостиной Шуанчэн развалился в кресле, бесцеремонно закинув ногу на ногу, и лениво прихлебывал чай. Дядюшка то и дело бросал на него недовольные взгляды, безуспешно пытаясь сохранить чинное выражение лица.

Шуанчэну смертельно надоели эти бесконечные любезности. Дядюшка без умолку величал гостя «дорогим племянником», рассыпался в витиеватых комплиментах, но никак не переходил к делу.

Решив избавиться себя от скуки и заодно дать старику возможность высказать Е Чжэню все накопившиеся жалобы, Шуанчэн скорчил страдальческую мину и жалобно протянул:

— Братец, у меня живот прихватило. Отойду ненадолго.

Е Чжэнь слегка нахмурился, но возражать не стал:

— Ступай.

<http://bllate.org/book/18190/1746471>